

востока, также является архаичной и датируется VII веком. Переход к “-âve” или “-ûle”, который является одной из наиболее характерных черт валлонского – также архаизм. Этим архаизмом валлонский отличается от других говоров, если и приобрел указываемую черту, то лишь после IX века. Отсутствие в валлонском интеркаляции [b] или [d] в группах [ml], [nr] и т.д. сближает его с диалектами севера и востока в противовес центру региона d’oîl: вал. – tinre, фр. – tendre. К 1000 году во французском и пикардском [e] + [j] переходит в [i], [u] переходит в [y] в центральных говорах, что в который раз подтверждает архаичность валлонского. К X веку валлонский отличается особым консерватизмом, в чем он близок северным и восточным говорам, таким же как и он периферийным и подверженным франкскому влиянию.

Черты валлонского диалекта проникают в scîrta. Это противоречит идее о том, что, начиная с IX в., все говоры d’oîl принимают исключительно черты французского, как наиболее престижного из всех говоров d’oîl. Если именно французский считается наиболее престижным, начиная с IX века, как объяснить тот факт, что в Страсбургских клятвах наблюдаются характерные черты пуатевинского?

Таким образом, можно констатировать, что французский говор приобрел общенациональное значение благодаря действию внеязыковых факторов: большей экономической и политической значимости региона l’Île-de-France. А политика языковой централизации, проводимая в стране на протяжении всей истории, привела к несколько обратному эффекту – укреплению статуса и увеличению значимости диалектов в сознании региональных этнических образований. Это повлекло за собой необходимость (с 1951 года) установить политику языковой терпимости: языковая ситуация современной Франции характеризуется практически повсеместной диглоссией.

Источники и литература

1. Бахирев Ю.Г. Новейшая история языковой политики Франции. – М., 2001. – 480 с.
2. Веденина Л.Г. Особенности французского языка. – М.: Просвещение, 1988. – 288 с.
3. Доза А. История французского языка. – М., 1956. – 512 с.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.М. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
5. Скредина Л.М. История французского языка. – М.: Высшая Школа, 1972. – 311 с.
6. Allieres J. La formation de la langue française. – Paris, 1988.
7. Delbouille M. Comment naquit la langue française? // Phonétique et linguistique romanes. – Lyon-Strasbourg, 1970. – p. 187–199.
8. Gardette P. Pour une géographie linguistique de la France. // Phonétique et linguistique romanes. – Lyon-Strasbourg, 1970. – P. 262–273.
9. Klinkenberg J.-M. Des langues romanes. – Louvain-la-Neuve, 1994. – 310 p.
10. Quid 2001, ed. Robert Laffont. – Paris, 2000. – 2079 p.

Приходько А.Н.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ В МОДАЛЬНО-ЭПИСТЕМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Исследование речемыслительной деятельности человека предполагает изучение, по крайней мере, двух лингвоментальных феноменов – проблемы получения знаний (компетенция когнитологии) и проблемы их передачи, трансфера (компетенция эпистемологии). Это означает, что в структуре знания можно выделить как минимум две плоскости – аспект референции (когнитология) и аспект репрезентации (эпистемология). Если в первом случае языковедческая наука наработала довольно обширный объем информации, то во втором остается невыясненным целый круг вопросов, которые как раз и составляют объект интереса настоящей статьи.

Предметом лингво-эпистемологических исследований служит гносеологическая (аккумулятивная) функция языка – знание, информированность субъекта речи об объектах речи [15, с. 33]. Особый узел проблематики составляет репрезентативная плоскость знания, а именно вопрос о том, каким образом языковой знак, передавая информацию референтного порядка, одновременно „умудряется” передавать и метаинформацию – ее оценку говорящим с точки зрения истинности, правдивости, приемлемости и т.д. В этом отношении определенного внимания заслуживает изучение феномена репрезентации знания в триаде «эпистемический мир – эпистемическое состояние – эпистемический модус».

Совокупность наработанных человечеством знаний следует охарактеризовать как глобальный когнитивный универсум, который можно представить себе как некий гипотетический список всех мыслимых суждений. Такой список отражается в системе знаний каждого индивида по-своему, составляя его собственный эпистемический мир – совокупность знаний, которыми владеет языковая личность (homo loquens).

Эпистемический мир (ЭМир) – это индивидуальная система (фонд, база, инвентарь, арсенал) знаний говорящего, его информационный запас и одновременно его ментальный тезаурус, его собственная картина мира. Эксплицитно выраженные знания составляют лишь незначительную часть общей базы знаний человека. Согласно современным научным представлениям, такая база является самоорганизующейся и – регулирующей системой, охватывая как минимум два основных вида знаний человека – энциклопедические и лингвистические.

Энциклопедический (внеязыковой, текстовый) багаж индивида отражает его видение мира [26, с. 71] и состоит из разноуровневых знаний – личностных, парадигмальных, объективных, трансубъективных и т.д., выделенных в соответствии с конвенциональным принципом классификации. В зависимости от источника получения, знания могут быть эмпирическими (индуктивными, перцептивными, фактуальными) и теоретическими (асерторическими, дедуктивными, выводными), а в соответствии с исходной основой своего формирования – субъективно или объективно обоснованными (подробнее об этом [5; 8; 14, 25 и др.]). Информационный запас человека включает также знания лингвистического плана, являющиеся компонентом наивной картины мира определенной лингвокультурной общности, закодированной в языковой системе – словаре и грамматике. Сюда относятся также знания о тактико-стратегических возможностях речевых актов, об уместности / неуместности их использования, правилах общения, максимумах вежливости и др.

Эпистемический мир – это открытая система, способная постоянно расширяться и корректироваться. Аксиоматическим представляется тот факт, что каждый речевой акт, какую бы интенцию он не сигнализировал, несет модально-эпистемическую метаинформацию относительно определенного фрагмента эпистемического мира говорящего. Каждый субъект имеет свой собственный ЭМир, который может совпадать либо частично, либо вообще не совпадать с эпистемическим миром другого субъекта, но никогда не может совпадать с ним полностью. Однако каждый индивид владеет целостной системой знаний, которая отражает, по меньшей мере, такие когнитивные установки, как истина, ложь, правда, обман, абсурд и т.д.

Эпистемический модус (ЭМод) имеет отношение к актуализации в момент речи отдельных фрагментов эпистемического мира. Он находит свое отражение в отношении говорящего к тому, соответствует ли его высказывание истинному знанию, а если соответствует, то в какой степени. Согласно Б. Расселу, в логической теории все суждения либо истинны, либо ложны, а в эпистемологической они не могут быть истинными или ложными (при отсутствии доказательств за или против) [19, с. 328]. ЭМод служит своеобразным фильтром, с помощью которого проверяется, оценивается и взвешивается соответствие информационного содержания высказывания критериям истинности с целью его последующего трансфера в сокровищницу человеческого опыта. По сути, ЭМод представляет собой метазнание (знание о знании), когнитивную оценку его качества – степени истинности информации, содержащейся в речевом акте. Сигнализируя о пропозициональной установке говорящего, ЭМод может приобретать как эксплицитную, так и имплицитную форму выражения.

Один из ведущих теоретиков модальной логики Я. Хинтикка называет пропозициональную установку «возможными мирами» [22]. Возможные миры – это состояние сознания субъекта, погруженного в творческую фантазию или испытующего сомнения. Вхождение субъекта в эти состояния осуществляется в языке невербальными (мимика, жесты и др.) и вербальными способами. В последнем случае оно находит свое воплощение практически на всех уровнях языковой системы – фонетическом, грамматическом, лексическом, текстовом и осуществляется с помощью ментальных предикатов, которые выражаются специальными лексическими средствами.

Разветвленная система средств выражения ЭМод позволяет говорить о наличии в языке довольно четкой градации, которая с определенной долей условности укладывается в *модально-эпистемическую шкалу* «ЗНАЮ – ПОЛАГАЮ – НЕ ЗНАЮ». Являясь своего рода эпистемическими координатами суждения, эта шкала отражает наличие субъективного момента – фактора говорящего («Я»-режим), который фиксирует свой ЭМод на момент речи. Тем самым модально-эпистемическая шкала, с одной стороны, фиксирует пределы познания, за которые не может выйти homo loquens (← ЗНАЮ – НЕ ЗНАЮ →), а с другой, – многообразие видов «гадательного» знания, т.е. сектор между ЗНАЮ и НЕ ЗНАЮ (← ПОЛАГАЮ →).

Таким образом, модально-эпистемическая шкала закрепляет размежевание трех типов осмысления мира языковой личностью. Какое бы метазнание не сигнализировал говорящий, оно практически сводится к трем эпистемическим возможностям – достоверное знание, недостоверное знание, незнание. При этом под достоверностью (эвидентностью [9]) следует понимать меру истинности информации, которая сообщается говорящим (здесь трудно согласиться с мыслью Г.Г. Почепцова о том, что достоверность – это «истинность с точки зрения слушающего» [17, с. 218]). Эвидентные импульсы пронизывают практически все наши речевые акты и являются, по сути, универсальным свойством нарративных высказываний в целом.

Эпистемический модус ЗНАЮ – это сигнал достоверного (полного) знания, наличие в нем «моментов очевидного» [16, с. 123]. ЭМод ЗНАЮ маркируется в языке различными эпистемическими показателями – собственно эпистемическим глаголом *знать* (*to know / wissen / savoir*), к которому примыкают близкие по значению *видеть, замечать*, а также наречиями *понятно, конечно, очевидно* и др. с семантикой эвидентности.

Эпистемический модус ПОЛАГАЮ. Если признаки эвидентности присутствуют в знании неуверенно, проблематично, если они не связаны с основными моментами содержания, то подобные знания переходят в ранг недостоверных (предположительных, гипотетических, неуверенных = мир неполного знания). Недостоверное знание иногда называют «эпистемической возможностью» или «опинией». И хотя считается, что большую часть наших знаний можно отнести к достоверным, именно опиния представлена в языке наиболее разветвленной системой своего метаязыкового отображения – средствами маркирования досто-

верности от очень высокой до очень низкой степени. Среди способов воспроизведения opinions выделяются, прежде всего, лексические маркеры типа *догадываться*, *предполагать*, *побаиваться*, *ожидать*, *надеяться*, *казаться*, *сомневаться*, эпистемический статус которых базируется на компоненте «вероятность», а также целый ряд модальных глаголов, нередко именуемых «показателями достоверности» [7, с. 116]: *вероятно*, *наверное*, *едва*, *наверняка*, *действительно*, *несомненно* и пр.

Эпистемический модус НЕ ЗНАЮ, сигнализируя мир незнания (эпистемический провал), фактически выступает нулевым модусом, поскольку он является, по сути, актом признания говорящим своей некомпетентности или нехватки информации – он не знает ни истинного, ни даже приблизительного положения вещей. Считается, что незнание подлечит градации по шкале «неизвестно – сомнительно – неопределенно – абсурдно» [1, с. 52]. Наиболее распространенными языковыми экспликаторами незнания являются глаголы в сочетании с маркерами отрицания.

Эпистемическое состояние (ЭСост), или **эпимодус** является конфигурацией информационных структур, которая возникает в ходе восприятия физической реальности человеком. Тем самым ЭСост является как бы результатом осмысления определенного фрагмента ЭМира говорящего на предмет его соответствия реальному и надлежащему (рациональная оценка знания). Такая оценка осуществляется в рамках рационально-эпистемической шкалы ПОНИМАЮ – ВЕРЮ – ОСОЗНАЮ – НЕ ПОНИМАЮ.

Понимание в ракурсе эпистемологии – это не столько показатель успешности декодирования речевого акта реципиентом, сколько свойство самого речевого акта, то есть сигнал того, как говорящий квалифицирует то, что он наблюдает в жизненном мире, а, наблюдая, воплощает в слове. Интеллектуальный субъект всегда рационализирует информацию о положении вещей и ходе событий, которая поступает в его ЭМир и которую он пропускает сквозь сито понимания (ЭСост ПОНИМАЮ) / непонимания (ЭСост НЕ ПОНИМАЮ) с целью проверки ее соответствия / несоответствия тем знаниям, которые уже находятся в его ментальном архиве.

В частности, две ситуации во фразе А.П. Чехова *Отец и мачеха уехали в Тверь* (СИТ₁), *и мы теперь свободны на целых три дня* (СИТ₂) концептуализируются в ментальном мире чеховской Чайки как два полностью достоверных факта (*Знаю, что Отец и мачеха уехали в Тверь; Знаю, что мы теперь свободны на целых три дня*), а связь между ними истолковывается как вполне обоснованная и поэтому понятная. Напротив, в высказывании {*Раньше он служил Родине* (СИТ₁), *и Родина была ему благодарна* (СИТ₂).} *Теперь он тоже служит Родине* (СИТ₃), *а она... молчит* (СИТ₄) /Ф. Незнанский/ причинные связи между СИТ₃ и СИТ₄ концептуализируются говорящим как непонятные. Сигнал непонимания подается там, где каждая из двух ситуаций квалифицируется как достоверное знание, но говорящий не может понять, почему между ними отсутствует ожидаемая причинно-следственная связь (как между СИТ₁ и СИТ₂), в то время как согласно его нормативным представлениям такая связь должна быть.

Толкование ЭМир с точки зрения нормативности полностью оправдано, поскольку природа понимания является «процессом и результатом сопоставления существующего с должным» [6, с. 100]. Человеку свойственно не только знать, но и понимать окружающий мир, поскольку непонятное знание – мертвое знание. Процесс рационализации жизненного мира, который отражается в знании, заключается не столько в определении его истинности, сколько в выявлении его ценностных параметров. Индивидуальная специфика понимания зависит от многих факторов, но не в последнюю очередь от системы ценностей и различного рода норм и конвенций, с которыми человек соотносит то, что он получает через свою перцептивную систему – «инструмент нашего контакта с миром» [23, с. 40]. Оперирование знанием, наверняка, предполагает множество вариантов рационализации физической реальности, выбор которых определяется мотивами, установками и психофизическим состоянием человека.

Независимо от своего типа, рационализация является, прежде всего, базой для расширения ЭМир говорящего. И держится она на так называемых **логических опорах** [5, с. 274] (силлогизмах), среди которых общепризнанными являются опора на признаки и опора на правила продуцирования [4, с. 13]. С помощью логических опор человек выводит новые знания на основе старых – тех, которые он получил ранее и проверил их на практике. Среди этих опор особая роль отводится дедуктивному правилу “если – то”, поскольку именно оно позволяет делать умозаключения, связывая два и более суждений отношениями взаимозависимости. Логические опоры, в свою очередь, могут порождать правила продуцирования высшего порядка, в каждом из которых будет содержаться более обобщенный по отношению к исходному элемент. Главная черта логической опоры заключается в том, что чаще всего она находится «за кадром», в пресуппозиции по отношению к исходному высказыванию. Кроме того, она должна быть известна как говорящему, так и слушающему – только тогда исходное высказывание будет понятным для обоих участников процесса общения.

Совершенно очевидно, что квалификация знания на основе нормативных представлений и логических опор в рамках операций ПОНИМАЮ и НЕ ПОНИМАЮ будет неполной, даже если осуществлять ее с помощью рационально-нормативных оценок «правильно», «полезно», «приемлемо». Ведь в ходе оценки качества своего знания говорящий может столкнуться с определенными трудностями, а иногда вообще никак его не оценивать. Знания, которые адресант не смог подвергнуть однозначной рациональной квалификации, а потому оставил это дело «до лучших времен», есть смысл считать **осознанными** (ЭСост ОСОЗНАЮ). Во фразе М. Горького *Слово пленило меня* (СИТ₁), *и я стал поборником, носителем, если хотите – слугой* (СИТ₂) автор лишь ощущает, что между двумя ситуациями существует причинно-следственная

или **Верю, что туареги – это, наверное, какое-то племя*). Заглянув в энциклопедию, тот же говорящий может тем самым перенести свое знание из сферы неопределенности в сферу определенности, со всей уверенностью утверждая, что *Туареги – это кочевой народ Сахары* (ЗНАЮ), где рационально-эпистемический сигнал будет хотя и возможным, но лишним.

Специфика рационализации заключается в том, что она является обязательной в плане содержания и довольно редко проявляет себя в плане выражения. Это объясняется тем, что специальные показатели требуются только там, где присутствует негативная квалификация метаинформации – незнание, неуверенность, неубедительность, непонимание. Позитивная метаинформация считается коммуникантами нормальным положением вещей, а поэтому не требует никаких дополнительных экспликаторов. Она может выражаться только в проблематичных ситуациях – там, где возникает необходимость навязывания своей точки зрения (споры, дискуссии и т.д.).

Характерной чертой подобных смыслов является их принципиальная невыраженность, нормой будет их отсутствие в речевом акте, а присутствие – сигналом какого-то нестандартного случая. Избегание эпистемического маркирования при очевидных утверждениях (ср.: *‘Я знаю, что рыба живет в водоемах* или *‘Безусловно, рыба живет в водоемах*) принадлежит, очевидно, к устоявшимся стандартам общения. Отклонением от них могут быть случаи, когда речевые установки говорящего и адресата расходятся, когда у говорящего есть подозрение, что в общении что-то нарушено или может быть нарушено.

Успешность прагмаэпистемической квалификации высказывания в значительной степени зависит от способности адресата выявить интенциональный пласт общения – совокупность эпистемических состояний и эпистемических намерений субъекта, которые лежат в основе речевого акта, но нередко проявляются только косвенным образом. Очевидно, что простые пропозиции со свойственной им предметно-смысловой прозрачностью самым оптимальным образом приспособлены к репрезентации обыденно-опытного знания.

Несколько иначе дело обстоит со сложными пропозициями. Планируя высказывания с рациональной оценкой информационного содержания, говорящий выберет с высокой степенью вероятности именно сложную структуру. В отличие от простой сложная пропозиция как раз более пригодна для экстерриоризации отношения говорящего к качеству своего знания. Дополнительно в этом можно убедиться на примере следующего текста:

ЭМод	Текст: Из выступления С. Осипенко во время акции работников образования («Освіта України», 4.12.2001	ЭСост
ЗНАЮ	(1) <i>Если мы будем сидеть и молчать, то нам никто ничего не даст.</i>	ПОНИМАЮ
ПОЛАГАЮ	(2) <i>Необходимо действовать и отстаивать свои права.</i>	ВЕРЮ
ЗНАЮ	(3) <i>Больно смотреть, как из школы по материальным причинам уходят учителя, причем самые лучшие.</i>	ОСОЗНАЮ
ПОЛАГАЮ	(4) <i>Власть должна повернуться лицом к своему народу.</i>	ОСОЗНАЮ
НЕ ЗНАЮ	(5) <i>Так каких же патриотов Украины мы можем воспитать, если государство не заботится об учителях</i>	НЕ ПОНИМАЮ

Каждое высказывание данного текста несет информацию об оценке говорящим пропозиционального содержания своего сообщения с точки зрения истинности (ЭМод), о чем свидетельствуют лексико-семантические маркеры – *если - то* (1), *так* (5), *должна + инфинитив* (4). Эпистемический функтор ЗНАЮ в (1 и 3) не маркирован специально, однако ясно, что знание квалифицируется говорящим как достоверное (это не вовсе значит, что именно так оно и будет восприниматься слушающим). Однако обращает на себя внимание тот факт, что здесь увеличивается количество эпимодусных пресуппозиций, и практически каждое высказывание может интерпретироваться в аспекте рационализации – понимание (1), вера (2), осознанность (3, 4), непонимание (5), которые указывают на возможность варьирования Эсост говорящего.

Однако такое рационально-эпистемическое прочтение этих высказываний будет достаточно категоричным шагом интерпретатора, с которым, наверняка, может и не согласиться кто-либо из его коллег, заявляя, например, что (1) – это вера, (2) – понимание, а (3) – либо убежденность, либо уверенность и т. д. И он также окажется прав, поскольку рациональная оценка высказывания – это не только ЭСост собственно говорящего, но и набор презумпций интерпретатора. Рассмотрим это на примере функтора ВЕРЮ.

Считается, что концепт веры распадается, по крайней мере, на две составляющие – ВЕРЮ и УБЕЖДЕН. Несмотря на то, что теоретическая литература предлагает довольно оригинальные критерии их разграничения [11], выполнить его на практике достаточно сложно. Складывается впечатление, что решающим фактором здесь может быть социальный статус говорящего. В частности, когда провозглашает учитель, что *Необходимо действовать и отстаивать свои права* (2), вряд ли он делает это на основании собственной компетентности. Рациональной оценкой такого знания для учителя будет фактор веры. Но когда тоже самое заявляет социолог, он сигнализирует не о вере, а о своей убежденности, основанной на специальных и профессиональных знаниях. Вот почему персонаж пушкинского «Хвастуна» может безапелляционно заявить: *«Хоть знаю, да не верю»* [3, с. 399], а шутник произнести тост *«За наших лучших*

друзей, которые знают о нас все, но не верят ничему!»), однако ни пушкинский герой, ни шутник не могут сказать: **Хоть я знаю, но не убежден.*

ЭСост убежденности свидетельствует о глубокой интериоризации знания в ЭМире говорящего – чаще в результате долгих раздумий, соответствующего уровня образования или профессиональной компетенции. Цена уверенного и убежденного знания в глазах слушающего, может, и имеет различный удельный вес, но такой слушающий должен быть весьма утонченным ценителем (ср. паремии: *Знаний мало, а веры много; Знаний много, а веры мало; Без веры жизнь не интересна и т.д.*). В этом отношении целесообразно рассматривать уверенность и убежденность в рамках концепта веры.

Убежденность отражает количественную сторону затраченных ментальных усилий для осмысления определенной области знаний, которые перешли в долгосрочное качество их рациональной оценки. В частности, имплицитивная “если-то”-зависимость между двумя фактами *Необходимо любить то, что делаешь, и тогда труд, даже самый тяжелый, становится творчеством* звучит в словах М. Горького не просто как вера, а как глубокая убежденность говорящего в их правильности. Убежденность – это сигнал интериоризованного знания, которое прочно и надолго вошло в ЭМир говорящего. Вера и убежденность относятся к таким модусным категориям, которые «отвечают» за квалификацию знаний в соответствии с его субъективной достоверностью. В отличие от ЭСост ВЕРЮ, ЭСост УБЕЖДЕН является не временным, а постоянным, неизменным эпистемическим состоянием сознания [11, с. 110]. Не случайно, оформление убежденности в европейских языках осуществляется с помощью прилагательного (*Я убежден; Я переконан; I am sure; Ich bin überzeugt; Je suis sûr*), но не глагола, в отличие от веры (*Я верю; Я вірю; I believe; Ich glaube; Je crois*), поскольку глагол привязан к моменту речи, а прилагательное – нет. Вера субъективна, а убежденность суть объективно обоснованная достоверность. Это означает, что концепты ‘понимание’ / ‘непонимание’ связаны в эпистемическом мире говорящего с моментом речи, ‘осознание’ – с дистанцированием от него, а ‘вера’ – с временной продолжительностью.

Размышления подобного рода могут возникнуть и по отношению эпистемических пар ПОНИМАЮ и ВЕРЮ, ПОНИМАЮ и ОСОЗНАЮ и т.д. Но подобные размышления не будут иметь места при интерпретации ЭМод ЗНАЮ, ПОЛАГАЮ, НЕ ЗНАЮ. Все это наводит на мысль о том, что уже на стадии планирования своего речевого акта адресант закладывает в него определенный эпистемический модус, зная еще до его «озвучивания», в каком эпистемическом режиме это сообщение будет осуществляться – достоверного / недостоверного знания или же полагания. Этого нельзя сказать об эпистемическом состоянии – оно возникает в процессе речи и через речь, представляя собой «приложение» к ЭМод, и поэтому имеет интенциональный характер.

ЭМод – это не постоянный ориентир когнитивного процесса, а постоянный параметр мысли и выраженного при помощи языка дискурса, это признак, который в одинаковой степени необходим как говорящему, так и адресату. ЭСост отражает ориентацию дискурса только на адресата: говорящий должен учесть уровень знаний и информированности слушателя, взвесить, что ему известно и что неизвестно, продумать пути оптимального введения кванта информации в его ЭМир. Не случайно же Д. Болинджер толкует истину как «такое свойство языка, которое дает нам возможность информировать друг друга» [2, с. 29]. Таким образом, эпистемическое состояние выступает в качестве телеологически значимой составляющей речевого акта, вторичной плоскости процесса репрезентации знаний. Оно как бы играет роль статиста, который оттеняет с наиболее вероятно, что при продуцировании дискурса, задуманного как достоверная информация (ЗНАЮ), говорящий наделит его отличительными чертами ПОНИМАЮ или ВЕРЮ и никак не ОСОЗНАЮ или НЕ ПОНИМАЮ, которые уместнее будут выглядеть в речевых актах-опиниях. Складывается впечатление, что эпистема НЕ ЗНАЮ вообще не требует каких-либо уточнений со стороны эпистемических функторов понимания и веры. Вот почему простая арифметика – умножение трех модально-эпистемических функторов на четыре рационально-эпистемических – не выведет нас к итоговому перечню в 12 комбинаций. Скорее всего, этот список будет короче, а главное – не закрытым, поскольку при оценке качества и количества своего знания всегда остается место для полета фантазии интерпретатора.

Пронизывая каждое без исключения высказывание естественного языка, модально-эпистемические импульсы могут быть не только отмечены специальными лексико-грамматическими маркерами, но и будут присутствовать в тех высказываниях, где нет их явных показателей. Понятно, что какие бы средства метаязыкового отражения ЭСост и ЭМод не использовались, все они будут релевантными только на синтаксическом уровне языка, где их использование регулирует количество и качество информации, на основании которой говорящий формирует свое сообщение. В таком ракурсе ЭСост имеет прямое отношение к денотативному аспекту языкового знака, являясь неизменным спутником пропозиции.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о наличии прямых корреляций между определенным эпистемическим состоянием говорящего и иллокутивными типами речевых актов, которые он использует в своей речевой деятельности. Однако ясно, что данная проблема нуждается в более тщательном, специальном изучении, которое как раз и составит перспективный предмет исследований в ракурсе когнитивно-дискурсивной парадигмы современного языкознания.

Источники и литература

1. Баранов А.Н. Функционально-прагматическая концепция текста: Дис... докт. филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 1993. – 357 с.
2. Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 23–43.
3. Булыгина Т.И., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: ЯРК, 1997. – 574 с.
4. Гик М.Л., Холиок К. Дж. Когнитивная основа переноса знаний. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 68 с.
5. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1999. – 382 с.
6. Знаков В.В. Психология понимания правды. – СПб: Алетейя, 1999. – 282 с.
7. Иоанесян Е.Р. Проблемы эпистемического согласования // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 116–132.
8. Касавин И. Т. Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии. – М., СПб: РАН, 2000. – 310 с.
9. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности и проблемы типологического анализа // Вопр. языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.
10. Кравченко А.В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // Вопр. языкознания, 1999. – № 6. – С. 3–12.
11. Лауфер Н.И. Уверен и убежден: два типа эпистемических состояний // Логический анализ языка. – М.: Наука, 1993. – С. 105–110.
12. Лукин В.А. Концепт истины и слово *истина* в русском языке // Вопр. языкознания, 1993. – № 4. – С. 63–86.
13. Микишина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. – М.: РОССПЭН, 1999. – 240 с.
14. Мусієнко В.П. Проблема істинності лінгвістичних знань // Мовознавство. – 2000. – № 2/3. – С. 11–16.
15. Переверзев К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // Вопр. языкознания. – 1998. – № 5. – С. 24–52.
16. Петрушенко В. Л. Епістемологія як філософська теорія знання. – Л.: Львівська політехніка, 2000. – 296 с.
17. Почепцов Г.Г. Достоверность высказываний // Вісник ХНУ. – № 471. – Харьков: Константа, 2000. – С. 218–220.
18. Приходько А.М. Семантико-епістемічний аспект німецького паратаксису // Наукові записки. – Вип. 35. – Кировоград: КДПУ, 2001. – С. 217–226.
19. Рассел Б. Исследование значения и истины. – М.: Идея-Пресс, 1999. – 400с.
20. Суворов О.В. Разум и феномен “Я” // Вопр. философии. – 2000. – № 4. – С. 130–137.
21. Фрумкина Р.М. “Теории среднего уровня” в современной лингвистике // Вопр. языкознания. – 1996. – № 2. – С. 55–67.
22. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологическое исследование: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.
23. Хинтиikka Я. Информация, причинность и логика восприятия // Вопр. философии. – 1975. – № 6. – 447 с.
24. Apel K.-O. Auseinandersetzungen in Erprobung des transzendentalpragmatischen Ansatzes. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1998. – 866 S.
25. Keller R. Zur Epistemologie der Semantik // Erkenntnistheoretische Grundfragen der Linguistik. – Stuttgart [u.a.]: Kohlhammer, 1979. – S. 22–44.
26. Semantics. An International Handbook of Contemporary Research / Ed. by A. von Stechow & D. Wunderlich. – Berlin, N. Y.: de Gruyter, 1991. – 922 p.

Петренко А.Д., Яценко Т.А.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КАУЗАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

The research is based on the comparative analysis of Russian and German phraseology which is used to express causal relations

В системе изучения иностранных языков особое место принадлежит фразеологии (включая паремиологию), так как овладение фразеологическим фондом языка не только является показателем достаточно высокого уровня языковой компетенции, но и непосредственно связано с постижением культурного самосознания народа – носителя языка, с отражением концептов национальной культуры (В.Н. Телия, С.Г. Воркачев, В.А. Маслова, Л.Б. Савенкова и др.). Контрастивный подход к изучению фразеологических единиц (ФЕ) позволяет выявить как общее, так и национально специфичное в их семантической и образной структуре (В.Г. Гак, А.А. Русол, А.Д. Райхштейн, Ю.Ф. Прадид, Т.И. Крыга, Е.И. Иванова и др.). В